

ВОТ И ЕЩЕ одно название украсило репертуарный список нашего театра драмы: Антонов и Ремиза, «Разорванный рубль». С горечью приходится убедиться: после прошлогодних горячих, принципиальных и честных споров внутри самого театра по поводу «Семьи Плаховых»: после критического выступления журнала «Театр», производственных совещаний в коллективе и обстоятельных бесед со столичными искусствоведами—судя по этой последней работе, все остается по-прежнему. А ведь казалось, что намечаются сдвиги и перемены, что страсти внутри театра кипят недаром, и лед вот-вот тронется.

Повесть Антонова, на мой взгляд,—хорошая повесть. Хороша она своей многоплановостью. Сначала воспринимаешь шуточки-перемешечки: вот недалекая, идеально правильная комсомольская активистка Маруся Лебедева, трогательная в святой своей наивности. Вот трагическая и цельная, неисчерпаемая Груня Офицерова. Вот, наконец, главный герой—смешной чуть-чуть, но интеллигентный по-настоящему, прямой и честный, убежденный и готовый за убеждения драться Пастухов — «Раскладушка...». Читая, и становишься, знаете, уже не до смеха. Уже и дрожи, и злости реба берет. А потом... Потом становится страшно! Что же это сделала как «Раскладушкой»? Сломил парня—вот он, смиренный, в хоре поет... Нет, большие борца—есть единица. Хочется кричать: что же это происходит, люди?

В спектакле ничего не происходит, хотя актеры и пытаются уверить нас в обратном. Ровным счетом ничего. Как начинается Пастухов (в исполнении артиста Казакова) недалеким простаком, таким он и остается до конца спектакля. И не обидно, что его не понимают, и кажется естественным, что над ним смеются. Ничего нет в этом Пастухове от того, настоящего, созданного писателем.

Смотрящий и не понимаешь: о чем все это? Ведь должна быть трагедия, тонкая, внутренняя, без крови, без убийств, но от этого еще более страшная: идет убийство светлой души человеческой. Убийство одного из тех «чужаков», о ком писал Горький, что «на них держится земля»... А на сцене—невнятная, говорящая с опереточным привкусом, приправленная откровенными балаганом (вспомните сцену, когда председатель (артист Басин) уговаривает Дарью поехать на выступление хора). А председатель? Это же сложный образ—сильный человек, хозяин, который многое умеет и делает, но слишком уж себе на уме, и ох, как осторожен, по-крестьянски осторожен, недоверчив, оттого и жесток... В спектакле же просто нет характера.

Не хочется говорить об остальных ролях. Об общей неверной установке ли, оттого ли, что взята не та, на наш взгляд, идейная перспектива, все роли «не звучат» и отдельные небольшие удали или неудачи ничего не меня-

ют—спектакль получился просто неинтересным. Наверное, найди режиссер верный «ключ» и пьесе—не замечались бы бессмысленные атласные юбки и красивые сапожки в течение обоих действий, и металлические трубки в глубине сцены, изображающие «абстрактные березы».

РИСКНЕТ ли кто-нибудь утверждать, что коллектив драмтеатра вообще не в силах

Сатаров, пожалуй, слишком с ними добр, где-то рассчитывая, что в них заговорит совесть. В конечном счете он не просчитался. Помогло ему войти в доверие ребят то, что и сам он—на беспризорников, и преступный мир, вплоть до их «хозяина»—«Герцога» (В. Чугунов, исполняющий его, к сожалению, но особенно раздумывая, переносит сходный образ из од-

чивших на лаврах позапрошлого десятилетия.

Как-то уже выявлялись две тенденции у нас в театре, которые мешают ему. Первая—репертуар. В прошлом году было хоть о чем спорить. Рядом с пресловутой «Семьей Плаховых» были «Перебегички» и «Интервенция», в которых, при известных недостатках, было и что смотреть, и над чем подумать. В то же время вне театра и внутри критиковались плохие пьесы, взятые для постановки лишь из соображений «кассы», в угоду неразвитым вкусам... И что же? Нет больше «Перебегички», зато появилась «Грушенька», квинтэссенция всего дурного, присущего пока театру. Мелодрама с цыганскими песнями «внадры», неумными страстями, кабаком, пацками ассигнаций, сентиментами, цветистыми шаллями и мошастиями... За всем этим пропала светлая идея левковского «очарованного странника», от всего этого веет антикварщиной...

И самые старые пьесы ставят для того, чтобы говорить со зрителем о сегодняшнем дне. А у нас, к сожалению, и пьесы сегодняшнего дня часто не говорят ни о чем, имея целью лишь развлечь зрителя, сделать сбор... В конечном итоге эта мелкотрагичность мстит, она не дает и сбора. Поставили, допустим, «За час до полуночи». Вроде и действие развешивается остро, захватывающе, как в детективе: и артисты работают на сцене легко, «играючи», а в И. Ильин (Карел) по-своему интересен... И все же в конце спектакля испытываешь разочарование. Выясняется, что виновника конфликта с самого начала «в курсе», и скрывать ей тайну, в общем-то, не из чего, и никто не собирается ее наказывать за это, и даже совсем наоборот, и незрело возникает досада: к чему же тогда весь сыр-бор? Сделан замах на серьезную проблему, а бить-то некого... Плохая пьеса? Зачем тогда брать ее? Обязательно ли бить ребяки пьесы?

Второе—сноровчатость спектаклей, недоумывание, недосадование... Условия в все такое? Но разве не ясно, что, выпустив спектакль незавершенный, уже через пять постановок пожалеешь об этом? Что еще бы десять—двадцать репетиций, и оказался бы он куда долговечней, ярче, интереснее.

Эта нетребовательность к самим себе приносит больше вреда, чем пользы. Отнюдь не способствует настоящей, творческой атмосфере. И не потому ли уходят время от времени из нашего театра отличные актеры?

Мы не открываем этой статьей Америк. Все это наболело, об этом говорят и спорят давно и в нас, и внутри театра. Не собираемся и расставлять точки. Думаем, здесь есть о чем говорить. Но пора и переходить от слов к делу. Ведь в театр люди идут как на яркий и умный праздник. Негоже обманывать ожидания.

Л. НОСКОВА.

СПЕКТАКЛЬ СДАЛИ. БУДЕТ ЛИ СПЕКТАКЛЬ?

ТЕАТР

уже создать что-либо волнующее? Создать спектакль, отвечающий духу времени, современным вкусам, чтобы появились ашгаши, чтоб не было пустых кресел в зале, чтоб о спектакле спорили со страстью, как о глубоко личном... Не думаю. Стоит ли повторять, что в коллективе немало интересных актеров, и опытных заслуженных мастеров сцены, и молодых, но ищущих, беспокойных! Есть они. Ведь даже от тех времен, когда на каждом спектакле был полный зал зрителей, до нынешних—прошло не так много времени, и костяк театра—это те же самые люди.

И сейчас есть в театре удачи. С удовольствием смотрят туляки «В ночь лунного затмения», где хороша и пьеса, и спектакль получился насыщенный мыслью и страстью, где актеры Соловьев, Демидова, Сатаров, Тугай и другие сумели создать яркие характеры.

Нам кажется, немало пробовал в спектакле по пьесе А. Крона «Винтовка № 492116». Но нельзя не говорить об отдельных актерских работах и их режиссерской трактовке.

В спектакле хорошо звучат Ю. Сатаров, играющий командира отделения Косова, и В. Кондратьев, который играет хоть и слишком «на одной ноте», но все же понимает и любит своего Ирода.

Егору Косову дали «под командование» четырех беспризорников, связанных с преступным миром, озлобленных и отверженных. «Певоспитывающие» они не настроены, смотрят на всех с издевкой и вместо имен называют свои клички. Так и идут в часть, записанные как «товарищ Ирод», «товарищ Патамон» и т. д. Косову с ними... ну, трудно—не то слово. Учителю с непоседами тоже трудно. Здесь идет серьезная борьба за человеческую душу. Косов-

ного спектакля в другой)—знаком ему.

Можно соглашаться или не соглашаться с Косовым—Ю. Сатаров—добрым, простотатым, где-то даже недалеким, но душевно чутким и приятным. Но вовсе «не принять» его нельзя—это живой образ. И этому Косову верши, когда он злится, отчитывает своих подопечных или искренне радуется за Ирода, неожиданно оказавшегося отличным стрелком.

Среди беспризорников явно виден характер Ирода (В. Кондратьев). Этот взрослый мальчишка с орлиным профилем горд, зол и интеллигентен. Но перерождается он больше внешне, где-то становится менее резок, исчезает злой прищур глаз. Ирод вызывает интерес, хотя глубины, сложности этого характера пока не чувствуется...

И ВСЕ-ТАКИ отдельные удачи не меняют дела. Если говорить прямо, положение в театре сегодня вряд ли может кого удовлетворить. И пока не видно, чтоб оно менялось к лучшему.

Высокая мысль, непримиримость философских позиций, сильные характеры, высочайший накал страстей—вот живет сейчас настоящий театр, на том стоит. Не все театры, конечно, находятся на достаточном уровне—отсюда и споры о том, нужен ли театр как таковой и не отмирает ли он вообще. Вряд ли кто принимает это серьезно, скорее, эти дискуссии—способ высказать наибольшее. Но бесспорно другое. Не все достигли совершенства, но одни ищут, а другие хотят, чтоб им не мешали удерживать «представления» в уединенном духе. Именно это очень тонко чувствует требовательный наш зритель, готовый полюбить и даже простить недостатки ищущим, но с презрением отвергающий «благополучных» и по-